

КУЛЬТУРА

ХОДЯТ ВЕСЕЛЫЕ ДРОВОСЕКИ

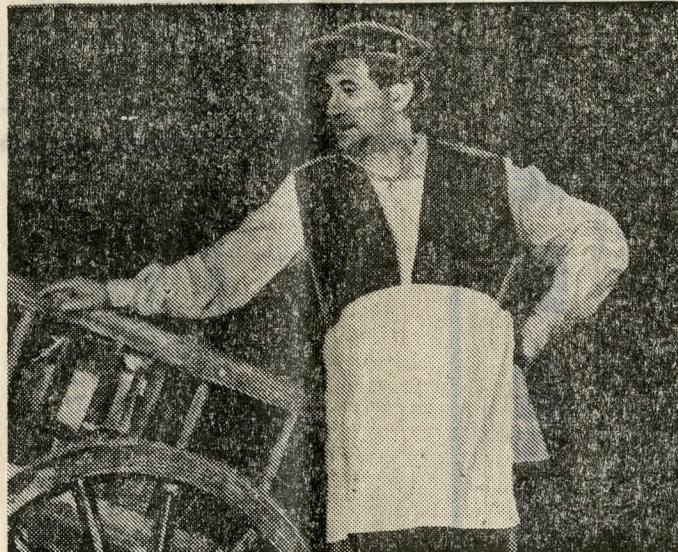
Первый Международный театральный фестиваль имени А. П. Чехова закончился.

Отвечая на вопросы «НГ», критики не стали играть в «Русские сани»

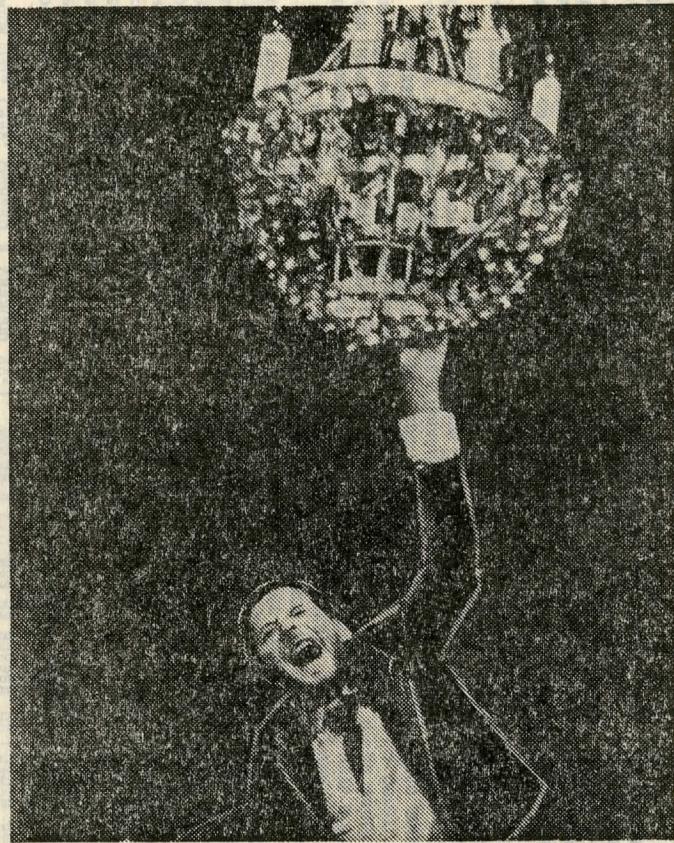
1. Лучший спектакль фестиваля. Разочарования фестиваля.
2. Удовлетворила ли вас форма проведения фестиваля?
3. Чувствовали ли вы, что в Москве — ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ?
4. Приходила ли вам в голову мысль о том, что «вот это и есть обратная связь», когда вы смотрели спектакли фестиваля, наблюдали за реакцией зала?

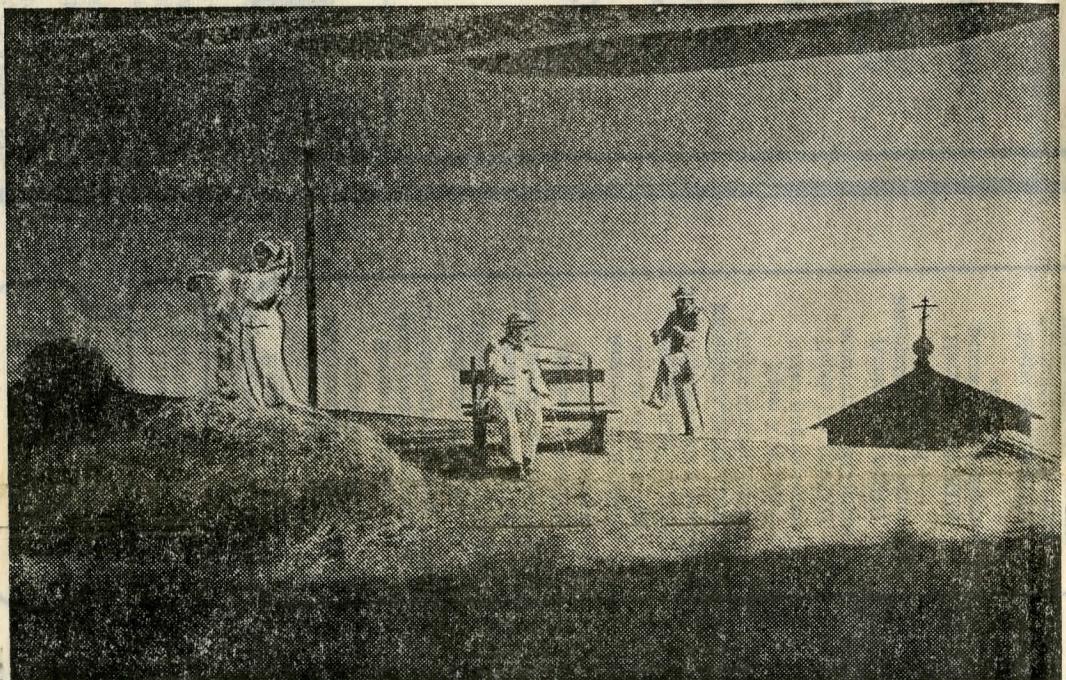
«Иосиф потерянный вновь вернется в Ханаан...», режиссер Фаррух Косим.

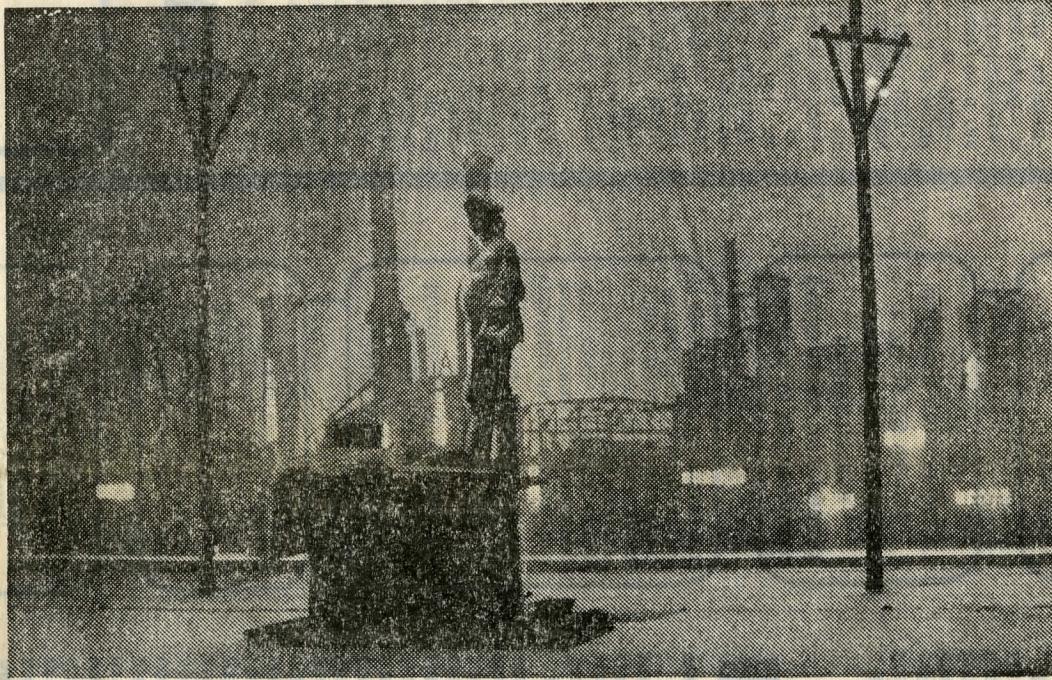
«Тевье-Тевель», режиссер Сергей Данченко.

«Вишневый сад», режиссер Отмар Крейча.

«Вишневый сад», режиссер Петер Штайн.

«Вишневый сад», режиссер Андрей Щербань.

Инна Соловьева

Праздник

1. Мне кажется, отказ от призов и от жюри — свидетельство того, что фестиваль устраивали люди умные. Лучший спектакль, худший спектакль... Знаете игру «Русские сани»? Чудный способ пересорить компанию. Условие: мы все вместе, сколько нас тут за столом, едем лесом, волки за нами, всех лошадям не вывезти — кого ты выбросишь из саней первым? Кого вторым? И так далее. Каждый делает свой список. Потом подсчитывается общий результат. Вообще-то выходит довольно объективно. Но икс, которого, не сговариваясь, все выпихнули из саней первым, вряд ли сохранит приязнь к игреку, который у большинства играющих досиживает в санях до конца скачки.

Если говорить независимо от «Русских саней» и серьезно, тем более не стоит называть победителей. Не спорт. Не конкурс красоты «Мистер режиссер-92».

В согласии с какими критериями — лучший?

Лучший потому, что кто-то успел это объявить печатно?

От упростившегося контакта с типографией пьянеют, как пьянеют, дорвавшись до оружия. Дикие глаза. Ошеломость: в кого хочу, в того пальну. Могу. Даже иначе: не хочу, а пальну. Страшноватое продолжение чеховского афоризма про ружье, которое раз висит, то выстрелит. Полно вооруженных рецензентов. По критериям беглым огнем.

Между тем с критериями не просто было бы, даже если бы эти вольные стрелки сдали оружие.

Стоило бы повторить за поэтом — с ударением на первом слове строки: «Есть ценностей незыблемая скала...» Есть. Но своя в разных театральных системах, которые друг друга не сменяют, а как бы уплотняют на одном и том же пространстве. Если к чужой тебе системе проявляешь не только терпимость, но и интерес — предатель ли ты? На спектакле «Персы» незнакомый мне, но, видимо, знающий меня человек повернулся и влепил мне, аплодирующую: «Предательница!». Буду думать.

Легче разобраться, что лучше, что хуже — «внутри системы». Можно разобраться, в чем «Вишневый сад» Петера Штайна проигрывает его же «Трем сестрам», хотя сам по себе — работа замечательная. Можно разобраться, в чем «Вишневый сад» Отомара Крейчи проигрывает «Вишневому саду» Анатолия Эфроса, в фестивальной программе отсутствующему, но в театральной памяти присутствующему навсегда. Но как и, главное, зачем доказывать, что «Персы» хуже или лучше спектакля Штайна?

Так бывает. Задавливаясь, мы

Тем более осторожемся утверждать, что вот эта театральная система — лучше, а это вот — хуже.

Который из спектаклей на фестивале казался более родным, который остался впечатлением более сильным, который больше иных разутешил — сказать можно разве что об этом.

Для меня самое родное — то, чего хочет Штайн. Самое властное театральное впечатление — «Коварство и любовь» в БДТ. Самое большое удовольствие — «Дэли Домрул». Впрочем, шарму Андрея Щербана, постановщика «Вишневого сада» в Бухаресте, поддаешься так же охотно, бормоча себе под нос какие-то самооправдания: очень уж легкомысленное создание! Как Раневская едет в Париж на деньги ярославской бабушки и как Щербан берет взаймы без отдачи у «миланского дедушки» цветовое решение, принцип разреженности пространства и конкретный реквизит из спектакля Джорджа Стрелера («Пикколо театро ди Милано», 1974). Грациозность в неловкой ситуации вроде этих, способность безнадрывно отнести к тяжелому, готовность по любому поводу отвлечься и повеселить душой — черты, роднившие режиссера «Вишневого сада» если не с Чеховым, то с его персонажами. «Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, страчных, я еще не встречал». Лопахин сердится или восхищается, говоря так? У Щербана, кажется, восхищается. Я, во всяком случае, произношу эти слова с интонацией восхищения.

Да еще «Персы». В законах, по которым работает эта труппа, я разбираюсь плохо, но актеры Теодороса Терзупулоса своей отчаянной, насильтвенной по отношению к собственной природе, всецелой сконцентрированностью воздействуют сильно.

Сколько мы их уже насчитали, лучших? Пять?

На стальные три вопроса отвечаю:

2. Да.
3. Да.
4. Не знаю.

Могу отшутиться: «Побольше бы таких фестивалей! — говорили трудающиеся, расходясь».

Анатолий Смелянский

1. Первый вопрос предполагает, что в редакции «Независимой газеты» довольно уютно представляют себе смысл про-

шедшего Фестиваля. Понятия лучшего-худшего спектакля, победы или художественного провала, столь естественные для нормальной страны, нормального театрального праздника, в данном случае не подходят. В сущности, это был праздник на крови. Когда актеров доставляют в Москву военными самолетами через линию фронта, когда спектакли отменяются, когда наши любимые друзья-грузины вообще отказываются играть в Москве как в столице враждебного государства — все это, конечно, мало походит на нормальный фестиваль. Над театром витал дух насилия, уничтожения, хаоса. Изысканные мизансцены эсхиловских «Персов», в которых многоопытный грек Теодорос Терзупулос попытался передать дух того, что можно назвать великим поражением, визуально прямо совпадали с телевизионной хроникой кавказской войны или душанбинской трагедии. Иногда почему-то вспоминались известные советы генерала Хлудова «тыловым гнездам». Спектакли и банкеты в московском тылу, на фоне разгорающейся войны — таков дух первого московского Фестиваля.

Образ вишневого сада, погибающей цивилизации, не зря стал господствующим. Наталья Крымова напомнила эфросовское видение последней чеховской пьесы — горстка обреченных. Фестиваль предложил иные трактовки. Стимулирующий спектакль Петера Штайна предлагал осмыслить пьесу в космическом масштабе. То, что происходит между людьми, погружено в иную огромную сферу, которая резко меняет все человеческие изменения чеховской истории. Никак не наступающий рассвет не менее важное событие, чем продажа итения. Предложение московской критикой не было принято и, кажется, не было даже рассыпано. То, что зрители восторженно аплодировали текопицам, свидетельствовало лишь об одно — о глухоте к подобного рода художественной проблематике. Космическому ощущению пьесы одареннейшим нечем не менее одаренный румын Андрей Щербан противопоставил свое понимание. В очередной раз нам пытались доказать, что «Вишневый сад» — «комедия, почти фарс». Чехов в стиле и ритме огненной моловеняски. Энергия спектакля была талантливой и увлекающей, но, как бы это поделикатнее выражаться, несколько однозначной. Таиров бы сказал, что

Щербан использовал только раздражители прямого воздействия. Особый случай — спектакль Оттмаря Крейчи. Он имел свой подспудный сюжет, выходящий за пределы чеховского, но странно с ним перекликающийся. Это было столкновение легенды и реальной жизни, мифа и действительности. Вишневый сад после цветения, когда опал белый цвет. Грустно и естественно.

Давно известные Шиллер в БДТ и Шолом-Алейхем в Киеве с прекрасным Богданом Ступкой боролись за подтверждение сложившейся репутации. Особенно трудно пришло спектаклю Темура Чхеидзе. В первом акте над ним висел черный знак провала, но потом актеры как-то непостижимым усилием выбрались. Таджиков и туркменов не видел — по причине болезни. По отзывам в экспресс-хронике, которая оперативно делалась «Московским наблюдателем», это были едва ли не лучшие спектакли фестиваля. Если так — тем более обидно, что не видел.

2—3. Форма была обыкновенная. С погонами, как сказал бы поэт. Спектакли и банкеты. На последних отличились некоторые критикессы, которые, не досмотрев до конца спектакль Штайна, бежали в особняк Министерства иностранных дел на прием. Говорят, одна из этих дам, которая была особенно строга по части нравственности и обличений наших грешных режиссеров за постыдное тяготение к корумпированной власти, немножечко поступилась принципами. Понимающе ее можно понять. Ну, конечно, когда Марк Захаров «заявит за спиной «ледяного Бурбулиса», это ужасно, а когда сама стоишь «при лверях» у слатчайшего Козырева, это как раз то, что приличествует театральному критику. Высшая форма обслуживания.

3—4. Я чувствовал, что в Москве проходит первый фронтовой театральный фестиваль. Иностранные, которых было довольно много, только усугубляли впечатление безумного праздника, подаренного нам Конфедерацией театральных союзов. Организовать и провести все это в октябрьской Москве было делом невероятным. И реакция зала была соответствующей — благодарной. Что же насчет октябряского контекста, то могу только напомнить Чехова: «Живешь в таком климате, того гляди снег пойдет, а тут еще эти разговоры».

Григорий Заславский

1. Мне очень понравился спектакль таджикского театра «Ахорун» «Иосиф потерянный вновь вернется в Ханаан...» (режиссер Фаррух Косим). Язык, на котором шел спектакль, был мне непонятен, но звук его был красив и сам по себе казался удивительно поэтичным. Подобно тому как притча (а в основе представления — библейская притча об Иосифе Прекрасном) избегает лишних слов, спектакль лишен лишних жестов, движений. Но монотонное кружение, похожее на исполнение неведомого ритуала, не утомляло, наоборот — завораживало.

Однако лучшим назову «Коварство и любовь» БДТ, поставленный Темуром Чхеидзе. Геннадий Эдуардович Бурбулис, сидевший в зале Театра Моссовета в день открытия фестиваля, сказал, что увидел «очень чистый спектакль». Не знаю, что имел в виду уважаемый политик, но с самим определением согласен. Это очень чистый спектакль — с чистыми помыслами, чисто сделанный. Где сегодня еще так всерьез играют любовь и гибель? В финале «Коварства и любви», в минуту смерти Луизы и Фердинанда, у меня из глаз текли слезы...

«Вишневый сад» Отомара Крейчи не был худшим. «Вишневый сад» Андрея Щербана своей банальной комедийностью вызвал и неприятие, и раздражение. «Персы» Теодороса Терзопулуса, где на протяжении полутора часов без антракта каждый из пяти актеров демонстрировал свое дрожащее и всячески мучающее самое себя тело, был, наверное, самым плохим на фестивале. Но от Крейчи — режиссера-легенды — очень многое ожидал. Потому спектакль, в котором было немало тонких и замечательных ходов, оставил, в общем, чувства сожаления и разочарования.

2. Радость от того, что фестиваль все же состоялся, не перекрывает некоторого недовольства от сопутствовавшей организационной неразберихи. Большие антракты между спектаклями фестиваля позволяли рассматривать все происходящее как обычные гастроли. Незаполнен-

ные залы на некоторых спектаклях вызывали горечь и стыд — за то, что нас, зрителей, было так мало.

3. Наверное, это нескромно (поскольку я принимал участие в этом деле), но фестивальная атмосфера если и была, то во многом благодаря выпускам «Дневника фестиваля», которые связывали разные спектакли между собой; было приятно, когда их спрашивали, ждали. Во всяком случае, я от этой работы получил большое удовольствие и только за это готов благодарить организаторов фестиваля.

4. Потрясением стала для меня игра Богдана Ступки в спектакле Киевского театра имени Ивана Франко «Тевье-Тевель». Опоздав к началу спектакля, с экземпляром «Дневника фестиваля» в руках, вдвоем с водителем «Московского наблюдателя» Володей Фильчековым мы осторожно вошли в зал и так и остановились в проходе. Поблизости было немало свободных мест, но, словно в каком-то оцепенении глядя на сцену, мыостояли около часа, до самого антракта. Привыкшие к случайному употреблению эпитета «гениальный», зрители-профессионалы смогли наконец «сверить свои часы», определить точку отсчета. После спектакля я сказал: «Ничего более прекрасного, чем Ступка, игравший Тевье, я за свою жизнь в театре не видел». И многие — кто-то был старше меня, кто-то младше — со мной согласились. Может быть, редакция имела в виду под обратной связью нечто иное — в таком случае извините.

Валерий Семеновский

1. На фестивале были представлены не просто разные жанры, манеры, индивидуальности, но разные театральные системы. Каждая из них в своем праве, о вынужденной — по случаю праздника — синхронности речи быть не может. Но их открытость друг другу проблематична, так что вряд ли корректно выстраивать впечатления фестивального месяца по вертикали. Был, правда, сюжет в сюжете: три версии «Вишневого сада». Но и здесь — не стану проводить вертикаль. Мне кажется, эти три спектакля — гра-

ни одного явления, которые можно назвать кризисом «чехоцентризма», такого строя художественной мысли, при котором звук лопнувшей струны притягивает наполнить собой все пространство культуры. Отдаю должное тщательности Петера Штайна и готов даже вымолвить слово «архетип», чтобы найти оправдание его поиску ритмической затянутости, как бы раннематовской. Но я скучал, доведенный до бесчувствия и этой Поззией, и этой Правдой (обе с большой буквы, как и полагается у немцев). Спектакль Отомара Крейчи — мерцающий свет, далекое-близкое, соединение яркого общего тона с изяществом мизансцен, а ближе к финалу — моменты внезапной лирической силы. Или, как было принято изъясняться в 60-е годы, — пронзительности. Наконец, «Вишневый сад» Андрея Щербана. Зрелище хотя и грубое, но по крайней мере живое. Режиссер решительным образом порывает с матовской традицией, ощущает ее исчерпанность и не испытывает рефлексии по этому поводу. Он откровенно дегерирует персонажей, почти с водевильным легкомыслием проигравших свою жизнь. Многим очень не нравилось, что персонажи «Вишневого сада» выглядят пошлыми. Я бы не стал отмахиваться от этого спектакля, подобно тому как Раневская отмахивается от реальности. У Чехова, как заметил еще Иннокентий Анненский, тема пошлости неизбежно связана с вопросом об оправдании жизни.

Разочарование фестиваля — отсутствие Никрошюса и двух грузинских спектаклей. А также невнимание публики (отчасти из-за плохой рекламы) к тем спектаклям, которые несомненно того заслуживали. Богдан Ступка, артист мирового масштаба, играл при полупустом зале.

2.—3.—4. К организаторам фестиваля можно предъявить много претензий. Но не с Авионом же сравнивать. В Москве это было впервые. И, надеюсь, будет еще.

Ни об одном фестивальном вечере я не пожалел. А вот рассуждения насчет пира во время чумы (дескать, не до театра теперь) я не поддерживаю. Театр борется за свое существование, и слава богу, если еще находятся силы для того, чтобы не капитулировать перед жизнью.

Алексей Бартошевич

1. Лучшими я бы назвал два «Вишневых сада» — Петера Штайна и Андрея Щербана, несмотря на то, что оба спектакля вызвали бурные споры, а постановка «Шаубюне» — самые контрастные реакции — от безоговорочного восторга до полного неприятия, чуть ли не ненависти. Мне лично как зрителю спектакль Штайна не близок, он оставил меня холодным: вопрос, однако, в том, ставил ли режиссер задачу тронуть сердца и вызвать слезы сострадания и ностальгического умиления, которые мы так любим проливать на чеховских спектаклях. Мы судим о штайнсовском «Вишневом саде», полагая, что немецкий режиссер исходил из наших собственных, традиционно русских, «мхатовских» представлений о том, как следует ставить и играть Чехова. Восхищавшие нас «Три сестры» Штайна действительно были виртуозным опытом «нашего» Чехова. С «Вишневым садом» в постановке «Шаубюне» дело, как мне кажется, обстоит совершенно иначе. Мы так любим Штайна: «Вы — наш, вы все поняли!», что забываем: он принадлежит к иной театральной вселенной, взращен ею и очень многое для нее сделал. Спектакль следует поставить не в связь с нашей традицией, к которой отчасти примыкали штайнсовские «Три сестры», а в контекст западноевропейских экспериментов в области нового театрального языка. Нас не должна обманывать почти натуралистическая внешность «Вишневого сада» — все эти сумерки, закаты и восходы, стога сена, благоухающие с мхатовских подмостков. Нам показали и не ранний МХТ, и не мейнингенцев, а, условно говоря, Боба Уилсона, слегка притворившегося Кронеком — в своих собственных целях. Спектакль Штайна выстроен не по правилам психологического театра, а по законам театрального авангарда. Не внутреннее развитие, не сами по себе судьбы и взаимоотношения людей на сцене и прочее в том же духе, как мне кажется, занимает режиссера; он строит спектакль как совокупность мельчайших атомов, дробных частиц энергии, соотносящихся на сцене не только друг с другом, сколько с некой трусливо определимой целостностью. Нам могут не нра-

виться сами законы, согласно которым сочинен спектакль, мы можем считать, что в данном случае они не к месту, — это наше святое и неотчуждаемое право. Но, во всяком случае, полагать, что Штайн пытался сделать все, как в Художественном театре лучших лет его истории, да на сей раз не вышло, вряд ли справедливо и плодотворно. Штайн сделал именно то, к чему стремился.

Что же до румынского «Вишневого сада», к нему можно предъявить массу претензий самого фундаментального свойства, но трудно не поддаться обаянию, живой прелести этого грациозного театрального создания, сотворенного уверенной рукой расчетливого мастера.

О разочарованиях. Как ни горько в этом признаться — «Вишневый сад» Отомара Крейчи. Горько в особенности потому, что для моего поколения имя Крейчи — легенда. Мы помним восторженные рассказы А. В. Эфроса, вернувшегося из Праги, где он видел «Ромео и Джульетту» и «Трех сестер», поставленных Крейчей в 60-е годы. «Вишневый сад» показался мне слишком «правильным», внутренне инертным, пресным, в спектакле недостало остроты, было мало жизни. Жаль, что Москва не видела спектакли Крейчи тех баснословных лет. Но тут не виноваты ни мы, ни чешский режиссер, ни, громко выражаясь, история, сделавшая Крейчу на многие годы эмигрантом, а нас на мертвое отрезавшую от его искусства. Иногда театральная легенда предпочтительнее реальности, а главное — правдивее ее.

2—3. Да. Вопреки всему чудовищному и жалкому, что творится вокруг и, казалось бы, должно было вытеснить событие чеховского фестиваля на самый последний план. Это «вопреки» кажется мне важным. Сколько протестов встречала идея организовать театральный праздник среди политического хаоса и всех тягостей социального быта. Твердили о том, что безнравственно устраивать «пир во время чумы», не понимая того, что как раз в самые трудные времена люди в празднестве искусства нуждаются более всего и театр должен по мере сил противостоять неблагоприятным обстоятельствам.

Вспомните, какой чудесный дух царил на открытии фестиваля, как светлы были лица, как искренне люди театра радовались, встречая друг друга в зале и фойе,—не самая характерная ситуация для представителей этой профессии. Жаль, конечно, что так и не открылся фестивальный клуб, призванный лелеять и развивать эту атмосферу, и людям, истосковавшимся по общению, негде было встречаться: одна из причин, почему так удалась конференция по «Вишневому саду», — люди не только слушали, но и общались.

Жаль, что движение фестивального сюжета обрывалось, когда не приехали грузинские театры и театр Някрошюса.

Жаль, наконец, что не смог участвовать в фестивале лондонский Национальный театр с замечательным «Дядей Ваней». Еще в апреле выяснилось, что актеры, занятые в спектакле, связаны в октябре другими контрактами. Я видел этот спектакль, где играют два самых интересных актера Англии — Энтони Шер и Иен Маккеллен, и убежден, что английский «Дядя Ваня» стал бы кульминацией фестиваля.

И тем не менее... Надо удивляться не тому, что в наших условиях что-то не вышло и сорвалось, а скорее тому, что самоотверженные усилия Конфедерации-театральных союзов и всех, кто помогал готовить фестиваль, увенчались успехом. Ничего, кроме благодарности к людям, устроившим вопреки всему на свете этот праздник, я не испытываю.

4. «Обратная связь» обеспечивалась отлично. И рискну сказать, что это происходило потому, что в зале преобладали люди театра. Что, к слову, на всех театральных фестивалях мира вещь обычная и закономерная. Конечно, искусство принадлежит народу, но на международных фестивалях, где показывают самые последние новинки и профессионалы судят друг друга по «гамбургскому счету», оно принадлежит народу несколько меньше, а работающим для него художникам несколько больше, чем в художественной повседневности.